

Настоящие
Приключения

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВИТЬКИ И ГЕНКИ:

«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах
Челюсти – гроза округи. Секреты успешной рыбалки
Лесной экстрим. В погоне за снежным человеком
Супербой, Маньяк и Робот. Герои школьного вечера
В школе юных скаутов. Поиски клада
Искусство требует жертв. Videоклип на «отлично»
«Т-34». Памятник forever

РАССЛЕДОВАНИЯ ФЕЛИКСА КУРОПЯТКИНА:

Вампир из Мексики
Жмурик-проказник
Стеклянная рука
Ночь летающих гробов
День повелителя пираний
Спасти Элвиса
Капкан на оборотня

ИСТОРИИ ИЗ БУДУЩЕГО:

Остров последнего злодея
Черничная Чайка
Кошмар с далёкой планеты
Планета чудовиш

Эдуард Веркин

Планета чудовищ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Виктории Тимофеевой*

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Планета чудовищ / Эдуард Веркин. — Моск-
ва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Настоящие при-
ключения. Повести для подростков Эдуарда
Веркина).

ISBN 978-5-04-090434-1

Чудеса обычно случаются без предупреждения – и, к сожалению, не всегда оказываются добрыми. Тимофей Кольцов привык к спокойной и безопасной жизни в мире будущего, когда люди уже забыли о том, что такое войны и катастрофы. С ним никогда ничего не случалось, а самой большой неприятностью казалась практика на обледеневшем спутнике Юпитера. Но, сбежав с Европы в компании одного странного парня и одной неприятной девицы, Тимофей очутился в месте, которое просто не мог себе представить. На планете, где опасность подстерегает на каждом шагу...

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090434-1

© Веркин Э., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Преисловие

Иногда я сам не верю в то, что произошло, что уж говорить про остальных. Остальные смеются.

Конечно, я мог бы спросить Грушу. Если бы она была в уме. Но то, что случилось, надолго вышибло её из границ вменяемости. Может быть, навсегда. Хотя доктора говорят, надежда есть.

Так что я один. Один со своею памятью, один со своими вопросами.

Вопросы... Их много. Одни сплошные вопросы. Я бы мог попытаться ответить на них, мог бы постараться. Но не буду. Потому что иногда вопросы гораздо важнее ответов.

Я один. Хотя нет... Там, далеко, так, что не видно в самый-самый сильный телескоп, так, что не слышно самому-самому чуткому радару, плывёт она.

Планета Призрак.

Самое страшное место.

Глава 1

Нечеловеческие уши

— Я буду жаловаться, — без выражения сказал смешной тип и хрястнул дверью.

Дверь, конечно, не хрястнулась, за сантиметр до косяка остановилась и бережно, бесшумно притворилась. Так тихонечко-тихонечко.

Это привело типа в недоумение, а потом ещё в раздражение. Тогда он дверь ещё и пнул.

А зря.

Его нога коварно завязла в дверном полотне, он дёрнулся, взмахнул руками, упал на пол. Тут же вскочил. Хотел кинуться на дверь уже с раз-

Эдуард Веркин

бегу, но передумал. Правильно сделал. Эти двери пинай, не пинай, ничего не выпинаешь. Специсполнение. У нас всё — специсполнение. Дверь не пнуть, на подоконник не сесть, после десяти лет бегать нельзя — подошвы к полу прилипают. Да вообще во всех школах специсполнение, на всей планете. А он не знает. Дикий... И совсем не смешной, тут я не прав. Не смешной, другой какой-то, я не понял. От него исходили какие-то волны, будто он искажал вокруг себя пространство. Что-то не то...

Уши вот странные... Такие, альтернативные. В смысле формы. У людей ведь какие уши обычно — большие, маленькие, острые, круглые. Длинные ещё иногда встречаются. А у этого какие-то ненормальные — мочки неестественно выпрямлены вниз. Никогда такого не видел. Не человеческие уши, в общем.

Странноухий скрипнул зубами, подошёл ко мне и зачем-то сообщил:

— У меня дядя — чёрный егерь, между прочим.

— Ого... — протянул я. Больше не придумал, что сказать.

— Их же распустили, — влез сбоку всезнающий Жуков. — Ещё двадцать лет назад, я видел фильм.

Планета чудовищ

— Да, он в отставке, — грустно сказал тип. — Но у него остались связи, я ему скажу... сейчас же...

Но сейчас же говорить почему-то не стал. Постоял немного, почесал подбородок, пошагал быстро по коридору куда-то. Вполне может быть, что к дяде. Жаловаться ему в непосредственной форме.

— Это же Барков, — зевнул Жуков. — Ты что, не знаешь?

Барков? Ну и что? Никакого Баркова я не знал.

— Про «Блэйк» слышал? — спросил со значением Жуков.

Про «Блэйк» я слышал. Жуткая история. Хотя информация была весьма обрывочная, общественное мнение не хотят беспокоить, а само оно беспокоиться тоже не спешит. «Блэйк» — база где-то в районе Беты Живописца. Висели там в пространстве, наблюдали за звёздными дисками, а потом всё — как в кино: связь с базой была утрачена, и к Живописцу отправили карантинную группу, которая выяснила, что все взрослые с базы «Блэйк» исчезли непонятно куда, остались только дети. Там у них какой-то феодализм возник, или того хуже, точно не знаю. Объяснить, куда делись взрослые, дети не могли. Говорили, что ушли. А ещё те дети очень ловко кидались самодельными ножами.

Эдуард Веркин

— Барков там был, — сказал Жуков. — А потом ребят с «Блэйка» распределили по разным школам и запретили им за пределы Системы выходить. Но они все рвутся в космос. Центробежный синдром. Вот и Барков тоже рвётся.

— Что-то я его раньше не видел в школе, — заметил я. — Наверное, хорошо рвётся.

— Так он только на экзамены приходит. Высокая степень социопатии, ему с другими нельзя, плохо на них влияет. Психика расстроена. Ещё не успел восстановиться.

Жуков огляделся и добавил уже шёпотом:

— Говорят, они-то всех своих родителей и перебили!

Я поглядел вдоль коридора, но Баркова уже не было, убежал.

— Чушь, — сказал я. — Такого не бывает.

— Чушь, не чушь, а родители их куда-то подевались, — уже громко сказал Жуков. — Это факт.

Дверь в кабинет приоткрылась, и Жуков замолчал. Но вызвали усатого парня из старшей параллели. Жуков ругнулся, но негромко, чтобы не услышали.

Мы стояли на втором уровне административного здания и ждали распределения на летнюю практику. Всех остальных распределили ещё ме-

Планета чудовищ

сяц назад, а сейчас путёвки выписывались тем, кто остался. Разным там освобождённым, больным, опоздавшим, лодырям.

Вот Жуков — он вечно опоздавший. Опаздывает везде и всегда. А Барков, наверное, больной. А я...

Я не освобождённый, я лодырь.

Ну, не то чтобы совсем закоренелый, но лодырь. У меня созерцательное восприятие мира: я не могу ничего делать, но оцениваю, как это делают другие. Раньше я был бы дегустатором, или художественным критиком, или даже философом, а в наше скучное время все эти профессии себя изжили. Нет, вообще-то каждый может дегустировать и критиковать сколько ему влезет, но в свободное от настоящей работы время. А если просто только дегустировать, то тут... Ну, короче, сложности возникают.

Не любят у нас таких, как я.

Вот и сейчас. Всех распределили в приличные места — кого на Викторию, кого на Песчаный, на Зарю, то есть на светлые, спокойные красивые планеты, изобилующие пляжами, прозрачными ручьями и тенистыми рощами. Там на кустах растут финики, а черника размером с грецкий орех и сама из себя варенье варит. И там есть такие минералы, которые песни даже умеют петь. Ничего этого мне наверняка не видать. Меня загонят

Эдуард Веркин

на какой-нибудь скучнейший Меркурий, и целый месяц не вылезешь из экзоскелета, а пить будешь лишь то, что... Ну, короче, разную отфильтрованную дрянь.

А ещё говорят — равенство... Какое там равенство, если созерцательная личность ущемляется на каждом шагу? Я с ранних лет стараюсь быть вне общества — и оно мне мстит. Жестоко мстит.

Дверь открылась, показался усатый.

Выглядел он довольным. Жизнерадостным таким.

— Места ещё, видно, хорошие остались, — прокомментировал Жуков. — Может, и нам повезёт...

— Вряд ли, — возразил я. — Мне-то уж точно не повезёт. Я их методы знаю — любят трудом перевоспитывать...

Я хотел уже подробно рассказать Жукову о том, что современная педагогика построена на в корне неправильном представлении о формировании гармоничной личности, но тут вызвали меня. Я быстренько напустил на себя выражение усталой презрительности и вошёл в кабинет.

Комиссия состояла из трёх персон.

Майя Ивановна Гучковская, старший педагог, женщина твёрдой закалки, лодырей не переносит. Сама до сих пор работает, хотя ей уже за восемьдесят.

Планета чудовищ

Помню, некто Томский из младшей параллели смастерил X-сканер и втайне всех в школе просвечивал, так вот он сообщил, что у Гучковской кевларовое сердце. Или даже железное. Короче, не своё. Ей будто бы предлагали неоднократно сделать нормальное сердце, человеческое, но она отказалась, сказала, что железное ей больше нравится.

Вторая персона — Игорь Бек, старший педагог, мужчина с настоящим сердцем. Добрый. Вполне может быть, что он меня пожалеет. Он всех жалеет. Правда, жалость у него своеобразная: на Меркурий не загонит, зато пошлёт на какие-нибудь орбитальные плантации, отгонять вредителей от циклокукурузы. А цикловредители величиной с кулак и в невесомости летают, как пули настоящие...

Третья — Марьяна Бежкова, старший педагог. Про неё ничего не скажу, она у нас недавно. Но лицо у неё слишком уж открытое. Скорее всего, Бежкова будет солидарна с Гучковской.

Короче, шансов у меня немного.

Поэтому в кабинет я вошёл с легким сердцем, уже смирившись с Меркурием, и любой исход воспринял бы спокойно.

— Так-так... — Гучковская принялась перебирать мои бумаги, хотя и без них всё про меня знала. — Так-так...

Эдуард Веркин

— Проходи, Тимофей, садись, — предложил мне Бек. И ручкой указал, куда именно садиться.

Вообще хочу сказать, что имя Тимофей — самое глупое во Вселенной. Оно похоже на синтетический валенок. Или на старую крысу. Нет, на старую крысу, живущую в синтетическом валенке. Поэтому я всех прошу называть меня Тимом.

Я прошёл и сел.

— Так-так... — продолжала в том же духе Гучковская, листая файлы моего личного дела. — Так-так...

— Куда бы ты хотел отправиться? — вежливо спросил Бек. — Практику-то отрабатывать придётся...

— Я выбрал местечко, — ответил я. — Хотел бы на Зарю, на Розовые Пляжи, спасателем. Такая суровая, изнуряющая работа на самом переднем крае борьбы...

— Тимофей, давай не будем шутить, — мягко попросил Бек. — Это ведь очень важно. Практика — серьёзный шаг, почти как выбор будущей профессии.

Нет для меня профессии, я уже докладывал. Поэтому я так им и сказал:

— Вот и я о том, Игорь Леонидович. Я выбрал себе будущую профессию — хочу быть спасателем! Вы только представьте — свинцовые волны накатываются на каменный брег, седое солнце

Планета чудовищ

опускается за горизонт, я, мужественный и непреклонный, смотрю в бинокль. И чу — слышу крик... Тонет ребёнок! Или лучше нет — олимпийская чемпионка по гимнастике! Я стремительно бросаюсь в студёные воды и, рассекая грудью пучину, устремляюсь к страждущей...

— Тимофей, — остановил меня Бек, — «страждущая» — тут несколько не то слово.

— Так-так... — Гучковская захлопнула моё дело, передала его Бежковой.

— Мне кажется, довольно балагана, — с улыбкой сказала Бежкова. — Нам всем ясно, что Тимофей не собирается исправляться...

— Я как раз наоборот — собираюсь! — заверил я. — Что может быть благороднее — спасти людей на пляже...

— Не перебивай! — перебила меня Бежкова. — Ты не собираешься исправляться, это понятно. Но мы даём тебе такую возможность...

— Я так и знал! — воскликнул я.

— Ты отправляешься в лагерь гляциологов¹ «Пири».

— Это где? — спросил я. — В Сибири?

— Это не в Сибири, это на Европе.

¹Гляциолог — специалист, занимающийся гляциологией, наукой, изучающей свойства льда. (Прим. ред.)

Эдуард Веркин

— Нормально. В Европе — это хорошо. «Пири», кажется, в Норвегии находится?

— Тимофей, — голос Бежковой стал вкрадчивым, — я же сказала не «в Европе», а «на Европе».

Ох уж мне эта Бежкова! Наверное, она из Вытегры. Тамошний педвуз славится своей небывалой жёсткостью.

— Тимофей, — улыбнулся Бек, — Европа не в Сибири. Европа — там.

И Бек указал пальцем в потолок. В небо. Туда, где за миллионы километров от административного здания нашей школы вертелся в пустоте вымерзший спутник Юпитера, открытый Галилеем в 1511 году. А то я и сам не понял! Я лодырь, а не дурак.

Повезло...

— Европа, — с удовлетворением повторила Бежкова. — Лагерь гляциологов «Пири».

Я же говорил. Всё у них уже решено заранее.

— Спасибо за доверие, — закивал я. — Обещаю не уронить честь земного гляциолога. Буду нести высокое звание гляциолога до последнего вздоха...

— Завтра в десять в порту. Шестой док, ангар восемнадцать. Всё.

— Как завтра?! — возмутился я. — Я же ещё не готов...